

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 125–131.

УДК 808.2:801

Л. А. Петрова

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛА КАК СИСТЕМА ФРЕЙМОВ

Понятие фрейма, впервые введенное М. Минским, довольно часто используется в работах современных лингвистов. Определяя дефиницию фрейма в Кратком словаре когнитивных терминов, авторы дают такие его понимания: 1. Система выбора языковых средств — грамматических правил, лексических единиц, языковых категорий, — связанных с прототипом сцены.

2. ... базисные элементы, которые исследователь в состоянии идентифицировать в рамках ситуаций. Ситуации подчинены организующим принципам, “генерирующим” те или иные события, среди них социальные события.

3. *Общее родовое обозначение набора понятий типа: схема, сценарий, когнитивная модель, “наивная”, или “народная”, теория как система категорий, структурированных в соответствии с мотивирующим контекстом.*

4. Единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, но, в отличие от ассоциаций, содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия. Фрейм обладает более или менее конвенциональной природой и поэтому конкретизирует, что в данной культуре характерно и типично, а что — нет [4, 187–188].

Как видим, понимание фрейма не отличается однородностью. Тем не менее, общим для всех его определений считается аналогия с модулем технического устройства и с рамкой в кино. М. Минский предлагает четыре типа фреймов, приблизительно соответствующих синтаксическому представлению (поверхностные синтаксические фреймы), семантическому (поверхностные семантические фреймы), представлению стереотипных ситуаций (тематические фреймы) и представлению свойств коммуникативной ситуации (повествовательные фреймы). Последователи М. Минского (Шенк, Абельсон, Чарняк, Уилкс) выделяют два типа фреймов: “малые” и “большие” (более подробно см. об этом [2]).

Теория фрейма применительно к глагольному слову разрабатывалась в исследованиях О. М. Соколова [10, 11], который исходил из положения М. Минского о том, что “фреймы, связанные со смыслом слов, будь то существительные, глаголы или другие части речи, несомненно, являются центрами концентрированного представления знаний о том, как связаны между собой различные предметы и явления, каким образом они используются и как они друг с другом взаимодействуют” [4, 47]. В связи с этим фрейм определяется как “некоторое стереотипное представление о компонентах и структуре ситуации, обозначаемой словом” [10, 126]. Семантическая структура глагола, который обладает

функциями предиката, является наиболее сложной. Поэтому он в наибольшей степени приспособлен для развертывания сем в динамическую структуру, соответствующую определенной сцене с прямыми и побочными сюжетами.

Рассматривая глагол как полиситуативную единицу, Н. Б. Лебедева вводит термин “ситуаема”, которая лежит в том же — ментальном — пространстве, но относится не к сфере знания, а к сфере языка. “Это лингвистическая единица — когнитивно-коммуникативная, функционально-семантическая. Мы ограничиваем ее характеристики тем, что, во-первых, она лексикализована, то есть соотносится с одной лексической (глагольной) единицей (отсюда стоит проблема разграничения ее с лексическим значением). Во-вторых, она органически связана с разворачиванием текста и семантическими процессами в лексической системе”, — замечает автор [4, 52]. В целом же термин “ситуаема” близок к понятиям скрипт, “сценарный фрейм” и др.

Поскольку русские глаголы в большинстве случаев многозначны, их семантическая структура характеризуется внутренним варьированием сем. Параметры варьирования слова фиксируются в его сценарии-схеме. “Сценарий-схема является способом представления плана содержания слова, который фиксирует наиболее общие черты взаимодействия слова и контекста”. Сценарий-схема как форма представления плана содержания слова не является эквивалентом семантического инварианта, представляя собой “абстрактный конструктор, эксплицирующий принципы функционирования слова во всем множестве разнообразных контекстов” [1, 13]. На наш взгляд, сценарий-схема многозначного глагола репрезентируется несколькими фреймами, которые объединены системными отношениями. Рассмотрим это на материале глагола РЕЗАТЬ. Лексема является одной из ядерных единиц семантического поля “Физическое действие”. Словарь русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой [8, 697-698] фиксирует 12 ее значений. Каждое из них представляет свою ситуацию (или сцену).

РЕЗАТЬ 1 “Действуя чем-либо острым, разделять на части”

Одушевленный активный субъект (человек, животное), затрачивая мускульную энергию, производит физическое действие движением нажима и трения на поверхности неодушевленного, пассивного объекта с проникновением внутрь. Объект при этом может быть как артефактом, так и натурфактом, однако качество его имеет конкретные характеристики: определенная степень твердости, разнообразный по форме, состоящий из частей или способный расчлениваться, средний или большой размер. Обязательный элемент ситуации — плоское острое орудие, при помощи которого субъект оказывается способным совершить данное действие. Локальный и темпоральный компоненты не заданы.

РЕЗАТЬ 2 “Вскрывать, оперировать”

Одушевленный активный субъект (человек), обладающий не только физической, но и интеллектуальной сущностью, затрачивая мускульную энергию, производит физическое действие движением нажима и трения на поверхности одушевленного пассивного объекта с проникновением внутрь. Объект — человек,

животное, птица, рыба, т. е. любая физиологическая субстанция, способная в другой ситуации быть равной по некоторым признакам (физиологическим, интеллектуальным, психическим) субъекту. Действие производится с использованием плоского острого орудия, небольшого по размеру (нож, скальпель). Ситуация чаще всего реализуется в определенных локальных условиях — операционная, стол или место, подобное им. Обязательна целенаправленность действия — узнать причину болезни, смерти, устранить причину заболевания и т. п.

РЕЗАТЬ 3 “Действовать при разделении на части (об острых инструментах)”

Лексико-семантический вариант не репрезентирует ситуацию в целом. В данном случае он номинирует свойство неодушевленного, пассивного субъекта. При определенных условиях глагол может представить фрагмент фрейма: например, ситуация изготовления бумажных фигур требует использования острых инструментов (ножа, ножниц), которые обладают свойством “хорошо резать”. В таком случае фиксируются качество и форма неодушевленного, пассивного субъекта и качество неодушевленного, пассивного объекта (материя, бумага, клеенка и т. п.).

РЕЗАТЬ 4 “Убивать чем-либо острым”

Одушевленный, активный субъект (человек, животное), обладающий в данной ситуации большей, чем одушевленный, пассивный или активный объект, мускульной энергией, производит физическое действие движением нажима и трения на поверхности с проникновением внутрь. Объект — человек, животное, птица, рыба. Действие производится целенаправленно — лишить кого-л. жизни. Обязательное условие — применение острого орудия любой формы и размера (нож, финка, кинжал, сабля, рогатина и т. п.). Часто необходимым компонентом фрейма является причинно-следственная связь совершения действия: 1) объект враждебен субъекту, субъект считает, что если он не совершит действие “резать”, то сам может подвергнуться смертельной опасности; 2) объект выкармливается субъектом, если субъект не совершит действие “резать”, то не получит необходимые средства для жизни — мясо, кожу, шерсть, деньги от их продажи и т. п. В связи с этим приобретает важность темпоральная ограниченность сценария: время битвы, схватки в первом случае и время, актуальное по каким-либо причинам для субъекта, во втором.

РЕЗАТЬ 5 “Делать посредством резьбы”

Одушевленный, активный субъект (человек), используя незначительную физическую силу, производит движением нажима и трения физическое действие, направленное на неодушевленный, пассивный объект. Однако этот объект носит скрытый характер, поскольку в качестве явного выступает предмет, возникающий в конечном итоге, — ложки, наличники, кресты, фигурки животных, геометрические фигуры и т. д. (артефакт). Скрытый объект обязательно представлен натурфактом, имеющим строго определенное качество (твердость, неспособность рассыпаться, ломаться, расслаиваться, податливость для острого орудия), и является материалом, из которого изготавливается новый объект. Обычно это дерево, кость, камень. Для реализации сценария необходима

не только мускульная энергия субъекта, но и его интеллектуальные способности, умение творчески осмыслить свои действия. Это, в свою очередь, диктует обладание навыками, умениями правильно и эстетично обработать материал. При этом используются не только режущие, но и колющие, сверлящие и т. п. инструменты.

РЕЗАТЬ 6 “Наносить на гладкую поверхность какого-либо твердого материала (рисунок или надпись) при помощи режущих инструментов; гравировать”

Одушевленный, активный субъект (человек) производит физическое действие движением нажима и трения на гладкой поверхности какого-либо твердого предмета (натурфакт). Как и в предыдущем случае, фрейм характеризуется наличием двух объектов — скрытого и явного. Человек имеет дело с поверхностью твердого объекта (камень, дерево, кость, металл) и непосредственно воздействует на него. Однако действие характеризуется неглубоким проникновением внутрь. В результате форма объекта не меняется, а модифицируется: на его поверхности возникают различные начертания.

РЕЗАТЬ 7 “Впиваясь в тело, причинять боль”

Неодушевленный, пассивный субъект (артефакт или натурфакт) движением нажима и трения оказывает физическое воздействие на часть одушевленного, активного объекта (человека). Вновь перед нами двойной объект: действие осуществляется на поверхности с незначительным проникновением внутрь неодушевленного, пассивного предмета (рука, нога, плечи, спина, шея, поясница и т. п.). Но поскольку все эти предметы — части тела, то физическое воздействие (боль, неудобство) испытывает одушевленный, активный объект (человек). Реализация сцены предполагает учет не только физической субстанции скрытого объекта, но и его психической сущности.

РЕЗАТЬ 8 “Ставить неудовлетворительную оценку на экзамене; проваливать”

Одушевленный, активный субъект (человек) оказывает моральное воздействие на одушевленный, активный объект (человек). Ситуация кардинально изменилась. Физические характеристики субъекта и объекта нейтрализовались. Актуальны интеллектуальная и психическая сущность того и другого. В этом плане субъект должен иметь преобладающее положение: он владеет большей информацией; он имеет право оценивать; он знает, что объект находится в положении зависимости; он находится в сильной коммуникативной позиции и т. д. Особое значение приобретает локальная и темпоральная характеристика представленного сценария: действие происходит во время сдачи экзамена в строго определенном месте (школьный класс, вузовская аудитория, лаборатория, специализированный кабинет и т. п.). Специфичен результат производимого действия, имеющий негативные последствия для объекта.

РЕЗАТЬ 9 “Ставить в безвыходное положение, губить”

Одушевленный, активный субъект (человек) оказывает моральное воздействие на одушевленный, активный объект (человек). Сюжет сцены определяется отношениями детерминации: некий субъект своим поведением наносит вред

моральному или материальному положению другого субъекта. В результате один из них становится в зависимость от действий другого.

РЕЗАТЬ 10 “Говорить прямо, без обиняков, не стесняясь”

Одушевленный, активный субъект (человек) производит действие говорения. Объект — результат говорения (слова, фразы, отрывки фраз). Лексико-семантический вариант представляет фрагмент фрейма. Сценарий может быть реализован при наличии минимум двух субъектов ситуации — говорящего и слушающего.

РЕЗАТЬ 11 “Употребляется вместо многих глаголов для выражения быстрого, энергичного действия, обозначаемого этими глаголами (с сохранением управления этих глаголов)”

Лексико-семантический вариант не репрезентирует конкретных сцен. Его функционирование зависит от реализации в контексте, а следовательно, от представления общего сценария-схемы.

РЕЗАТЬ 12 “Подавать, бить (мяч, шар и т. п.) резаным ударом”

Одушевленный, активный субъект (человек) производит физическое действие движением удара. Объект неодушевленный, пассивный, имеющий четкие физические и функциональные параметры: форма (круглая), размер (небольшой, такой, чтобы субъект мог удержать его в руках), качество (твердый, представляющий собой монолит), функция спортивного инвентаря. Действие производится с определенной целью — для развлечения, для удовлетворения честолюбивых стремлений, для получения прибыли в случае игры на деньги и т. д. Субъект реализует такие качества, как ловкость, умение просчитать результат на несколько ходов вперед, обладание психологической сдержанностью. Ситуация имеет локальную и темпоральную характеристику: время игры, место, где может осуществляться данное действие, т. е. обстановка соперничества, наличие спортивных снарядов.

Описание фреймов на уровне внутрисловной деривации позволяет говорить о двух сценариях-схемах данной языковой единицы. Одна определяется как результат взаимодействия одушевленного, активного субъекта и неодушевленного, пассивного объекта; вторая — как результат одушевленного, активного субъекта и одушевленного, активного или пассивного объекта.

При создании контекста говорящий (или пишущий) задает определенный сценарий-схему и соотносит его с фреймами, отражающими ситуацию на уровне сознания. Вспомним, например, эпизод из повести Ф. М. Достоевского “Бедные люди”. Макар Девушкин рассказывает в очередном послании Вареньке о том, как был удостоен вниманием его превосходительства. Письмо начинается словами: “Пишу вам вне себя. Я весь взволнован страшным происшествием. Голова моя вертится кругом. Я чувствую, что все кругом меня вертится” [2, 98]. Ситуация описана достаточно ясно: ключевые слова **вне себя, взволнован страшным происшествием, голова кругом, все вертится** свидетельствуют о крайней степени эмоционального состояния героя. Какое же происшествие ввело Девушкина в состояние эмоционального аффекта? Оказывается, его превосходитель-

ство **потряс** руку бедному переписчику. Реализовался сценарий-схема “результат взаимодействия одушевленного, активного субъекта и неодушевленного, активного объекта”. Он соотнесен с фреймом глагольного лексико-семантического варианта **ТРЯСТИ 1** “толчками, рывками качать, шатать, колебать из стороны в сторону или вверх и вниз”: “Одушевленный, активный субъект (человек), используя незначительную мускульную энергию, оказывает физическое воздействие на неодушевленный, пассивный объект. Последний представляет собой часть одушевленного, активного объекта (человек). Субъект действует как предмет, наделенный физической и психической субстанциями (обратимся к тексту: “А он-то весь **покраснел...** **взял** мою руку недостойную, да и **потряс** ее...”), занимающий преобладающее положение (его превосходительство) по отношению к объекту. Одушевленный, активный объект, испытывая физическое воздействие, активно реализует не только свои физические, но и психические качества (“Я теперь в душевном расстройстве ужасном, в волнении ужасном! Мое сердце бьется, хочет из груди выпрыгнуть. И я сам как-то весь как будто ослаб” [2, 101]). Такая реакция на воздействие со стороны субъекта детерминирована интеллектуальным потенциалом объекта, его представлением о своем социальном положении: “взял мою руку **недостойную...**, **потряс, словно ровне своей, словно такому же, как сам, генералу**”. Ситуация имеет темпоральную ограниченность (время, когда “все разошлись”) и локальную (присутственное место)”.

Как видим, описанный фрейм схож с уже представленным нами фреймом глагола **РЕЗАТЬ 8**. Это подтверждает мысль о том, что “кроме связей внутри фрейма, есть еще и межфреймовые отношения, существующие в памяти как результат того, что разные фреймы включают один и тот же языковой материал, а элементы сцен сходны, определяются одним и тем же репертуаром сущностей, отношений или субстанций, а также контекстов употребления в жизни человека” [4, 187]. Следовательно, есть все основания говорить о возможности построения фреймовой типологии. “В этом убеждает определенная повторяемость фреймовых фрагментов, “привязанных” к отображению тех или иных событий из жизни живых организмов, отдельных производственных процессов, использованию средств передвижения, психической жизни и т. п.” [11, 138].

Таким образом, описанный материал позволяет сделать следующие выводы:

1. Семантическая структура многозначного глагола может быть представлена как система фреймов.
2. Сходства фреймов позволяют сконструировать сценарии-схемы лексем.
3. Существование межфреймовых связей дает основание для построения фреймовой типологии на уровне лексико-семантических вариантов и типологии сценариев-схем на межсловном уровне.

Литература

1. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. — М.: изд-во “Метатекст”, 1998. — 447 с.
2. Достоевский Ф. М. Бедные люди. Белые ночи. Неточка Незванова. Уни-

женные и оскорбленные. — М.: Художественная литература, 1986. — 590 с.

3. Категории искусственного интеллекта в лингвистической семантике: Фреймы и сценарии (серия: Актуальные проблемы прикладного языкознания). — М.: Наука, 1987. — 467 с.

4. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. — М., 1996. — 245 с.

5. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы семантической деривации. — Автореф. дис. ...доктора филолог. наук: 10. 02. 01. / Институт русского языка. — М., 2001. — 62 с.

6. Лебедева Н. Б. Полиситуативность глагольной семантики. — Томск: изд-во Томск. ун-та, 1999. — 261 с.

7. Минский М. Фреймы для представления знаний. — М.: Наука, 1979.

8. Масфурова С. О. Лексико-грамматическое функционирование глаголов со значением физиологического действия и состояния. — Автореф. дис. ... кандидата филолог. наук: 10. 02. 01. / Северодвинский госуд. ун-т. — Северодвинск, 2002. — 19 с.

9. Морозов А. В. Мотивационные отношения в семантической структуре глаголов с исходным значением говорения // Проблемы лексической и словообразовательной мотивации в русском языке. — Барнаул: Алтайский госуд. ун-т, 1986. — С. 91 — 106.

10. Попова Т. В. Деривационно-семантическое пространство русского глагола. — Автореф. дис. ... доктора филолог. наук: 10. 02. 01. / Уральский госуд. ун-т им. А. М. Горького. — Екатеринбург: 1998. — 57 с.

11. Словарь русского языка. В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. — Т. 3. — М.: Русский язык, 1983. — 750 с.; Т. 4. — М.: Русский язык, 1984. — 790 с.

12. Соколов О. М., Пионтковская Т. А. Система лингвистических конструкций, формирующих фреймы на глагольно-предикативной основе // Системные исследования. Методологические проблемы. — М.: Наука, 1991. — С. 124–141.

13. Соколов О. М. Лингвистические аспекты теории фреймов // Детерминационный аспект функционирования значимых единиц языка: языковые и неязыковые факторы. — Барнаул: Алтайский госуд. ун-т, 1993. — С. 3 — 14.

14. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Наука, 1988. — С. 5 — 32.

Поступило в редакцию 18. 10. 2002